

Николаева Наталья Никитична, Энхбадрах Санждорж

СКАЗОЧНЫЙ ЭПОС БАРГУТОВ: ОБ ОДНОМ ОБЩЕМОНГОЛЬСКОМ СЮЖЕТЕ

Целью статьи является рассмотрение сказочной традиции баргутов, малочисленного монгольязычного этноса Китая. В результате анализа одного популярного и распространенного сказочного текста выявлено почти полное совпадение сюжета у баргутов, бурят и халха-монголов, что может указывать на бытование в прошлом единого сказочного фонда, аккумулировавшего традицию в условиях сосуществования родственных народов на одной территории. Кроме того, можно провести параллели и в мировом фольклоре, что говорит о типологии сюжетов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/11-2/8.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 11(65): в 3-х ч. Ч. 2. С. 30-34. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Его еще покамест не распяли,
 Но час придет – он будет на кресте;
 Его послал Бог Гнева и Печали
 Рабам земли напомнить о Христе [4, т. 3, с. 154].

По большей части эта тема раскрывается в обращении к традиционному образу музы. Муза Некрасова – его страдание. Своеобразие трактовки заключается в том, что источником вдохновения становится разделенная душевная боль народных страданий, переживаемых как свои. Понимание счастья в этом случае не связано с достижением идеала в личной судьбе, но с исполнением своего высокого предназначения – способствовать достижению народного благополучия.

Таким образом, на основе анализа рассмотренного материала мы можем сделать вывод о присутствии в творчестве Н. А. Некрасова как минимум двух типов концепции счастья. Одна связана с крестьянским мировоззрением, вторая, основанная на литературной традиции, присуща личности некрасовского лирического героя.

Список литературы

1. **Березкин А. М.** Сакральные коннотации в семантике поэтического образа: «Пророк» Н. А. Некрасова // Русская литература. 2014. № 2. С. 229-241.
2. **Лебедев Ю. В.** На пути к Н. А. Некрасову // Лебедев Ю. В. Духовные истоки русской классики. Поэзия XIX века: историко-литературные очерки. М.: Классик Стиль, 2005. С. 93-160.
3. **Мишина Г. В.** Двойной портрет крестьянской России в творчестве Н. А. Некрасова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 1 (43). Ч. 1. С. 120-122.
4. **Некрасов Н. А.** Полное собрание сочинений и писем: в 15-ти т. Л.: Наука, 1981.
5. <http://www.klassika.ru/read.html?proza/gorkij/nadne.txt&page=7> (дата обращения: 20.08.2016).

THE MOTIVE OF FINDING HAPPINESS IN N. A. NEKRASOV'S CREATIVE WORK

Mishina Galina Vital'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
 Bashkir State University (Branch) in Sterlitamak
 MishinaGV@yandex.ru

The article discovers the originality of felicity motive in N. A. Nekrasov's creative work. The author analyzes the examples of poet's appeal to the motive of happiness in the historical and cultural aspect. Studying the correlation of the traditional popular religious conception of ideal and characters' and lyrical hero's speculations regarding this issue allows identifying the high level of similarity between them which indicates N. A. Nekrasov's aspiration to express the peasant's worldview. The paper identifies two conceptions of happiness motivated by different types of subjects of consciousness and speech in N. A. Nekrasov's poetry.

Key words and phrases: motive; happiness; peasant's consciousness; poet-prophet.

УДК 82-343.4

Целью статьи является рассмотрение сказочной традиции баргутов, малочисленного монголоязычного этноса Китая. В результате анализа одного популярного и распространенного сказочного текста выявлено почти полное совпадение сюжета у баргутов, бурят и халха-монголов, что может указывать на бытование в прошлом единого сказочного фонда, аккумулировавшего традицию в условиях сосуществования родственных народов на одной территории. Кроме того, можно провести параллели и в мировом фольклоре, что говорит о типологии сюжетов.

Ключевые слова и фразы: традиция; сказка; монголоязычные народы; сюжет; мотив.

Николаева Наталья Никитична, к. филол. н.
 Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
 Сибирского отделения Российской академии наук
 natanika80@mail.ru

Энхбадрах Санждорж
 Институт языка и литературы Академии наук Монголии
 enkhbadrakh@yahoo.com

СКАЗОЧНЫЙ ЭПОС БАРГУТОВ: ОБ ОДНОМ ОБЩЕМОНГОЛЬСКОМ СЮЖЕТЕ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-21-03004 а(м).

Баргуты – один из малочисленных монголоязычных народов, проживающих в основном в Хулун-Буирском аймаке Автономного района Внутренняя Монголия КНР, а также в нескольких аймаках Монголии. Исторически баргуты подразделялись на две этнические группы – старые баргуты (*хуучин барга*) и новые баргуты (*шинэ барга*). Целью данной статьи является рассмотрение сказочной прозы баргутов, а конкретнее –

анализ одного сюжета, имеющего параллели в общемонгольском сказочном фонде. Сказки баргутов ранее не выступали предметом специальных исследований в российской фольклористике, также не предпринимались попытки сравнительно-сопоставительных исследований со сказками других монголоязычных народов.

В целом в отношении сказок среди баргутов функционирует термин *үлгэр* (улигёр), который в монгольских языках в широком смысле означает 'былина, сказание, героический эпос, повесть, рассказ, сказка, притча' [1, с. 406]. Полисемантность слова, вероятно, стала причиной некоей размытости границ жанра – к *үлгэр* относят и сказки, и легенды с преданиями, и устные рассказы мифологического характера, для конретики добавляя уточняющий термин. Так, *үлгэр домог* – это легенды, предания и мифы, *чөтгөрийн үлгэр* (монг. 'сказки о чертях') – демонологические рассказы, *ардын үлгэр / явган үлгэр / аман үлгэр* (монг. 'народная сказка / пешая сказка / устная сказка') – собственно сказки и т.д.

В ходе экспедиционных исследований, предпринятых в рамках проекта РГНФ № 15-21-03004 а(м) «Монголоязычные этносы северо-востока Китая: история, культура, язык» в Старобаргутском и Новобаргутском Восточном хошунах (районах) городского округа Хулун-Буир Автономного района Внутренняя Монголия Китая, нами были записаны сведения о характере и манере исполнения сказок у баргутов, бытовании и преемственности традиции, определен существовавший репертуар. Если героический эпос, в силу своей крупной формы, определенной сакрализованности исполнения, сказывания профессиональными сказителями, фактически окончательно вышел из процесса живого бытования, то сказка как малая, более простая и наиболее подвижная форма эпической прозы довольно долго продолжала сохранять свои позиции.

Несмотря на то, что нам удалось сделать записи нескольких баргутских сказок, к сожалению, приходится констатировать факт постепенного угасания и утраты традиции в связи с отсутствием условий бытования. Информанты говорят о том, что сейчас никто не рассказывает детям сказки, тогда как в их детстве шла довольно активная передача сказочного репертуара от старшего поколения к младшему, была циркуляция сказок в детском коллективе [6]. Во-первых, наблюдается лаконичность и сжатость текстов; во-вторых, повествованию характерна обрывистая манера изложения; в-третьих, рассказчики уже с некоторыми трудностями воспроизводили текст (развитие сюжета, традиционные формулы, имена персонажей). Информанты старшего поколения еще способны воспроизвести текст сказки более или менее полно, с традиционными формулами, хотя и ссылаются на утрату некоторых эпизодов из-за длительного перерыва в сказывании. Более молодые информанты либо очень коротко пересказывают сюжет, либо способны только восстановить в памяти названия сказок, слышанных в детстве. Отметим, что все опрошенные нами информанты (16 человек) считаются знатоками традиции и старины, живо интересуются вопросами сохранения духовно-культурного наследия, некоторые из них сами собирают и издают фольклорно-этнографические материалы.

По сведениям информантов, талантливые сказочники рассказывали сказки в полностью аллитерированной форме, некоторые даже переходили на песенное исполнение. Можно предположить, что подобным образом сказывались богатырские сказки, близкие к героическому эпосу. Однако, по-видимому, существовали и сказки, исполнявшиеся именно пением. Так, одна из информантов напела сказку в форме диалога между ламой и чертом, назвав ее *дуут үлгэр* монг. 'песенная сказка' [Там же].

Корпус баргутских сказок, составленный из полученных сведений, записанных текстов и изданных материалов, исходя из основного содержания, состава персонажей и их функций, условно можно разделить на три группы: волшебные (куда входят и богатырские), бытовые и сказки о животных. Первичный анализ показывает, что сюжетный состав вполне традиционен для сказочной традиции монголоязычных народов. Так, есть волшебные сказки о подвигах богатырей и ханов, чудесных детях, о споре бурхана (бога) и черта, о глупце без доли, обретшем счастье, и т.д. В сказках о животных героями выступают хитрая лиса и глупый волк, мыши и лев, встречается широко известный мировой сюжет о дружбе зверей. В бытовых говорится о бедняках-ловкачах, которые обводят вокруг пальца богачей, чиновников и лам (священнослужителей), хитроумных ворах, также обманывающих ханов и богачей, и т.д. Следует заметить, что в сказочном репертуаре новых баргутов, исповедующих буддизм, отмечается достаточно много сюжетов с ламами, которые чаще всего предстают жадными, недалекими и корыстными людьми. У старых баргутов, которые являются шаманистами, сказки о ламах почти отсутствуют.

Наше внимание привлек один сказочный сюжет, который имеет общемонгольское распространение, и, судя по сведениям информантов, был распространен и популярен. В Старобаргутском хошуне нами была записана сказка «Ямаан сүүлэн хүү» («Мальчик Козий Хвост») от информанта Буяндэлгэра [Там же]. Сказку он перенял из репертуара матери, сам исполнял в детстве, а затем пересказывал своим детям. На этом традиция обрывается, следующее поколение – внуки, уже исключены из нее. Текст сказки небольшой, с предельно сжато изложенной фабулой, рассказчик воспроизводил его с остановками, однако достаточно живо. Сказка относится к типу волшебных сказок о чудесных детях, ее сюжет и мотивы имеют параллели в мировом фольклоре. По Сравнительному указателю сюжетов восточнославянских сказок, ее можно сблизить с сюжетными типами *Мальчик с пальчик* (700), а также *Ловкий вор* (1525А) [7, с. 175, 305].

Другой вариант этой сказки, гораздо более полный и содержательный, был записан собирателем Нансалмой от рассказчика Ургэнбилга в 2008 г. в том же Старобаргутском хошуне и опубликован под названием «Ямаан сүүлэн хүүхэд» («Мальчик Козий Хвост») [5, с. 367-374].

Сказки с аналогичным названием и близким сюжетом имеются в сказочном фонде других монголоязычных народов. Это бурятская сказка «Һүүл хүбүүн» («Козлиный Хвост») [3, с. 214-224] и халха-монгольская «Сүүлэн хүү» («Козий Хвост») [4, с. 188-190].

Развитие сюжетного действия и мотивы фактически совпадают, что можно проследить в ходе сравнительного анализа сюжетов.

Таблица 1.

Сказочные сюжеты баргутов, бурят и халха-монголов

Ямаан сүүлэн хүү (старые баргуты, зап. от Буяндэлгэра, 09.07.2016 г., г. Баянхурэ)	Ямаан сүүлэн хүүхэд (старые баргуты, зап. от Ургэнбилига, 2008 г., сомон Зун Үзур, деревня Баянүл)	Һүүл хүбүүн (буряты, зап. от неизв. сказителя)	Сүүлэн хүү (халха-монголы, от зап. неизв. сказителя)
Живут бедные старик со старухой, имеют семь белых коз	Живут бедные старик со старухой, имеют семь соловых коз	Живут бедные старик со старухой, имеют 10 коз	Живут бедные старик со старухой, пасут коз
У старика и старухи есть сын Мальчик Козий Хвост (МКХ), маленького роста, размером с козий хвост, но очень умный	Старик забивает всех коз, у одной нечаянно оторвал хвост. Засовывает его в щель юрты, тот превращается в маленького мальчика по имени Мальчик Козий Хвост (МКХ)	Старик нечаянно отрывает хвост у козы, засовывает в щель юрты, тот превращается в маленького мальчика, которого назвали Козлиным Хостом (КХ)	У одной козы отрывается хвост, старуха засовывает его в щель юрты. Хвост превращается в маленького мальчика, которого назвали Мальчиком-Хвостом (МХ)
МКХ ворует золото и серебро у ханов и богачей		Мальчик быстро растет, начинает охотиться	
	МКХ отправляется красть быка у хана, встречает семь братьев-воров, которым предлагает идти с ним	КХ крадет у богача барана. Богач жалуется хану	К МХ приходят два человека и предлагают вместе с ними украсть у хана быка
	МКХ крадет быка, топор и нож. Разделав тушу, вначале отдает мясо ворам, но затем обманывает их и приносит все мясо родителям		МХ крадет быка и топор. Разделав тушу, вначале отдает мясо ворам, но затем обманывает их и приносит все мясо родителям
	Хан приезжает к МКХ	Хан с богачом приезжают к КХ	Хан приезжает к МХ
	МКХ, встречая его, незаметно отрезает у ханского коня губу, срезает подошвы унтов и шарик с кистями с шапки хана	КХ, встречая их, незаметно отрезает у ханского коня губу, срезает подошвы унтов и тулью шапки хана	МХ, встречая его, незаметно отрезает у ханского коня кончик носа, срезает подошвы унтов и шарик на шапке хана
		Хан дает задание украсть у него быка. КХ крадет быка, несколько раз обманывая хана	
МКХ хочет украсть у хана золотой перстень	Хан дает задание выкрасть у него золотой перстень, выставляет охрану (стражники, злые верблюды, собаки Хасар и Басар, старик, разводящий огонь, слуга, подливающий масло, двое лам, две девушки)	Хан дает задание выкрасть у него золотой перстень, выставляет охрану (собаки Хахар и Бахар, два сторожа, старушка, двое лам, две девушки)	Хан дает задание выкрасть золотой перстень его ханши, выставляет охрану (злые верблюды, собаки Асар и Басар, два демона-шулмуса, двое слуг, двое лам, две девушки)
МКХ забивает овцу, кидает собакам Хасар и Басар у дверей в юрту хана внутренности овцы. Войдя в юрту, наливает спящей ханше в рот желчи. Ханша выплевывает изо рта перстень	Ночью МКХ забивает овцу, подкладывает спящим охранникам различные куски туши, мясо и внутренности охранникам, наливает спящему хану в нос желчи. Хан выплевывает изо рта перстень	Ночью КХ забивает овцу, подкладывает спящим охранникам различные куски туши, мясо и внутренности охранникам, наливает спящему хану в нос желчи. Хан выплевывает изо рта перстень	Ночью МХ забивает овцу, подкладывает спящим охранникам различные куски туши, мясо и внутренности охранникам, наливает спящей ханше в рот желчи. Ханша выплевывает изо рта перстень
Он убегает с выпавшим перстнем	Он убегает с выпавшим перстнем	Он убегает с выпавшим перстнем	Он убегает с выпавшим перстнем
	Охранники его не задерживают. Череда нелепых ситуаций с подброшенными кусками туши, мяса и внутренностей	Охранники его не задерживают. Череда нелепых ситуаций с подброшенными кусками туши, мяса и внутренностей	Охранники его не задерживают. Череда нелепых ситуаций с подброшенными кусками туши, мяса и внутренностей
	Хан со стыда не приходит за кольцом. МКХ говорит родителям, что добыл им пропитание, и отправляется в дорогу	Хан признает поражение, отдает дочь в жены КХ. КХ становится ханом	МХ возвращается домой и живет счастливо

Общими являются мотивы появления чудесного ребенка у бедных родителей, воровства быка и золотого перстня, ханской охраны, состоящей из людей и животных, нелепых и смешных ситуаций, которые подстраивает мальчик-вор. Записанный нами вариант сказки отличается лаконичностью, утратой нескольких эпизодов, связанных с воровством и являющихся кульминационной вершиной сюжета. Он, по сути, состоит из перечислений действий героя, тогда как в других вариантах описываются ситуации, обыгрывающие ум и хитрость героя, его способность обмануть многочисленных противников.

Конечные формулы халхаской и бурятской сказок традиционны – герой добивается успеха (женится на ханской дочери, становится ханом, живет счастливо). В записанном нами баргутском варианте финал несколько смазан – герой убегает с перстнем, далее о нем ничего не известно. Во втором баргутском варианте сюжет о чудесном мальчике имеет продолжение – вернувшись домой и отдав перстень родителям, герой отправляется в дорогу; по пути встречает трех девушек-демонниц и, обманув их, отнимает и возвращает украденную душу сыну богача. Далее из ивняка делает себе быка, встречается с бурханом (божеством), который скачет на волшебном коне; обхитрив его, меняет своего быка на его коня; поднимается на небо, принимает вид этого бурхана и живет счастливо; обманутый бурхан остается на земле. Таким образом, здесь действия развертываются как «путевые встречи», а герой принимает вид трикстера не только сказочного, но и мифологического, поскольку мотив «возвращения украденной души» встречается именно в шаманской мифологии. Рассказы с подобным сюжетом были записаны нами в экспедиционных исследованиях у бурят в Иркутской области. Мотив обмана божества/мифологического персонажа путем обмена (быка на коня) также восходит, по всей видимости, к шаманской мифологии и встречается в сказках бурят [2, с. 365-368]. Однако в сказках и мифологических рассказах бурят эти мотивы и сюжеты не связываются с таким персонажем, как Мальчик Козий Хвост, и не встречаются вместе в одном произведении. В баргутской традиции мы имеем дело, очевидно, с кумулятивным сюжетом, объединившим несколько сюжетов сказочного и мифологического характера, связав их между собой одним героем.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что сказочная традиция баргутов является частью общемонгольской традиции, демонстрируя общность репертуара, сюжетов и мотивов, системы персонажей. Почти полное совпадение рассмотренного сказочного сюжета у баргутов, бурят и халха-монголов, сейчас разделенных территориально, может указывать на бытование в прошлом некоего единого сказочного фонда, аккумулировавшего традицию в условиях сосуществования на одной территории родственных народов. Кроме того, можно провести параллели и в мировом фольклоре, что говорит о типологии существующих сюжетов.

Принятые сокращения

Монг. – монгольский
Зап. – запись
От неизв. – от неизвестного

Список литературы

1. **Большой академический монгольско-русский словарь:** в 4-х т. М.: Academia, 2001. Т. 3. Θ – Ф / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. 440 с.
2. **Бурятские народные сказки. Бытовые** / сост. Е. В. Баранникова, С. С. Бардаханова, В. Ш. Гунгаров. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1981. 448 с.
3. **Бурятские народные сказки. Волшебнo-фантастические** / сост. Е. В. Баранникова, С. С. Бардаханова, В. Ш. Гунгаров. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1973. 462 с.
4. **Гаадамба Ш., Цэрэнсодном Д.** Монгол ардын аман зохиолын дээж бичиг. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1978. 304 с.
5. **Одонгуа, Нансалмаа.** Хуучин баргын үлгэр тууль. Тунляо: Изд-во Вн. Монг., 2011. 411 с.
6. **Полевые материалы автора (ПМА).** Материалы экспедиции по гранту РГНФ № 15-21-03004 а(м) «Монголызычные этносы северо-востока Китая: история, культура, язык». Старобаргутский, Новобаргутский Восточный хошуну Автономного района Внутренняя Монголия КНР. 03.07.2016-17.07.2016 г. Запись на диктофон и расшифровка Николаевой Н. Н.
7. **Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка** / сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков; отв. ред. К. В. Чистов. Л.: Наука, 1979. 437 с.

Список информантов

1. Нанни, 1957 года рождения, Старобаргутский хошун, г. Баянхурэ, пенсионерка;
2. Нэрмээ, 1934 года рождения, Старобаргутский хошун, г. Баянхурэ, пенсионерка;
3. Буяндэлгэр, 1947 года рождения, Старобаргутский хошун, г. Баянхурэ, пенсионер;
4. Сэвэгмэд, 1947 года рождения, Старобаргутский хошун, г. Баянхурэ, пенсионерка;
5. Амаржаргал, 1952 года рождения, Новобаргутский Восточный хошун, г. Амгалан, пенсионер;
6. Баваасан, 1946 года рождения, Новобаргутский Восточный хошун, г. Амгалан, пенсионер;
7. Гэниндарма, 1946 года рождения, Новобаргутский Восточный хошун, г. Амгалан, пенсионер;
8. Наранцэцэг, 1973 года рождения, Новобаргутский Восточный хошун, г. Амгалан, работник Городской библиотеки;
9. Оюунбилиг, 1971 года рождения, Новобаргутский Восточный хошун, г. Амгалан, учитель монгольского языка.

THE BARGA MONGOLS' FABULOUS EPOS: ON A CERTAIN ALL-MONGOLIAN PLOT

Nikolaeva Natal'ya Nikitichna, Ph. D. in Philology
*Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
 of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
 natanika80@mail.ru*

Enkhbadrakh Sanzhdorz
*Institute of Language and Literature of the Mongolian Academy of Sciences
 enkhbadrakh@yahoo.com*

The article aims to examine the fabulous tradition of Barga Mongols, the small Mongolian-speaking ethnos of China. The analysis of one popular and widespread fabulous text identified almost identical story-line among the Barga Mongols, Buryats and the Khalkha Mongols which can testify for the previous existence of a unified fabulous fund accumulating the tradition under the co-existence of the related nations within a certain territory. Moreover, there are parallels in the world folklore which testifies for the typology of story-lines.

Key words and phrases: tradition; fairy tale; Mongolian-speaking people; plot; motive.

УДК 39; 398.22

В статье рассматриваются образы орнитоморфных помощников героя в якутской волшебной сказке. Основной целью научной статьи является определение функциональных особенностей птиц как помощников героя в якутской волшебной сказке, где по количеству функций преобладает царь-птица – орел. Сказочные птицы-помощники (орел, ворон, ястреб, сокол, мифическая птица ексею, трясогузка) параллельно рассматриваются и в других жанрах якутского фольклора.

Ключевые слова и фразы: якутская волшебная сказка; персонаж; герой; орнитоморфные помощники героя; птицы; сюжет; образ; функция.

Павлова Надежда Васильевна, к. филол. н.
*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
 Сибирского отделения Российской академии наук
 nadya.sanaaya@yandex.ru*

ОРНИТОМОРФНЫЕ ПОМОЩНИКИ ГЕРОЯ В ЯКУТСКОЙ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКЕ

В систематизированном своде всех собранных и изданных якутских сказок Г. У. Эргис сюжеты якутских сказок (далее – СЯС) классифицирует на 30 тематических групп [7; 18, т. 2, с. 159-266]. Из 30 групп к сюжетам о чудесных помощниках относятся 3 группы: «Чудесные животные помощники» («Көмөлөһөр дьикти кыыллар») [18, т. 2, с. 183-191], «Чудесный человек-помощник» («Дьикти көмөлөһөөччү киһи») [Там же, с. 191-193], «Чудесные предметы» («Дьикти сэптэр») [Там же, с. 197-201]. Сюжеты якутских волшебных сказок с орнитоморфными помощниками наличествуют в тематической группе «Чудесные животные помощники».

Орнитоморфными помощниками героя в якутской волшебной сказке являются *орел* (СЯС № 107-110, 125, 126) [Там же, с. 183-190], *орлица* (СЯС № 129) [Там же, с. 191], *волшебная птица Ексею* (СЯС № 114) [Там же, с. 186], *ястреб* (СЯС № 108) [Там же, с. 184], *сокол* [15, л. 3-20], *ворон* (СЯС № 108) [18, т. 2, с. 184] и *другие волшебные птицы* (СЯС № 111, 113, 114, 115) [Там же, с. 185-187].

Рассмотрев все действия птиц-помощников, мы выяснили, что в якутской волшебной сказке функции помощников по количеству больше выполняет *орел*, который является наиболее популярным образом среди орнитоморфных помощников. В якутских волшебных сказках *орел* переправляет героя в иной мир (СЯС № 107, 108) [Там же, с. 183-184], дарит ему волшебные предметы, которые также выполняют функцию помощников (СЯС № 107, 109, 115) [Там же, с. 183-187], участвует в борьбе с противником (СЯС № 115) [Там же, с. 186-187], лечит и оживляет героя (СЯС № 110, 126) [Там же, с. 185-190], спасает героя от жажды и голода (СЯС № 112) [Там же, с. 185-186], дает советы и предупреждает об опасности (СЯС № 125) [Там же, с. 189]. Однако в некоторых сказках орел иногда испытывает героя и даже препятствует его действиям (СЯС № 112) [Там же, с. 185-186]. Порой в начале сказки, прежде чем помочь герою, орел сам получает помощь от героя, а после отвечает добром на добро. Например, герой находит раненого *орла*, кормит три года и после этого получает чудесную помощь (СЯС № 107, 108, 109) [Там же, с. 183-184].

Орел – тотемная птица многих народов мира. Известный российский ученый В. Я. Пропп, рассмотрев орла как волшебного помощника героя, основываясь на работах Д. К. Зеленина, Л. Я. Штернберга, которые исследовали религиозные верования сибирских народов, отмечает, что «мотив кормления орла создан